

УДК 343.13

Сурихин П. Л., Попова Л. А.
Surihin P. L., Popova L. A.

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

**ON INFLUENCE OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION
ON IMPLEMENTATION EFFECTIVENESS
OF CRIMINAL LIABILITY**

В статье на основе междисциплинарного подхода рассмотрены проблемы повышения эффективности уголовного закона с позиции реализации положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в процессе привлечения лица к уголовной ответственности, влияние норм УПК РФ, обеспечивающих реализацию положений Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), на решение задач, стоящих перед уголовным законодательством России.

The article, based on an interdisciplinary approach, addresses the problems of effectiveness increasing of criminal law from the perspective of implementing the provisions of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in the process of bringing a person to criminal liability. The influence of the norms of the Russian Federation Code of Criminal Procedure as ensuring the implementation of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on the tasks solving facing the criminal legislation of Russia is considered.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана общественных отношений, уголовно-процессуальные отношения, задачи уголовного закона, эффективность уголовной ответственности.

Keywords: criminal law protection of public relations, criminal procedural relations, tasks of criminal law, effectiveness of criminal liability.

Решение задач УК РФ, сформулированных в ч. 1 ст. 2, можно представить в виде реализации уголовной ответственности следующим образом: совершение лицом общественно-опасного деяния (причинение вреда охраняемым общественным отношениям); реализация уголовно-процессуальных отношений (уголовно-процессуальные ограничения в правах и свободах); исполнение наказания (уголовно-правовое ограничение в правах и свободах для восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений); судимость (дополнительное уголовно-правовое ограничение в правах и свободах как частное предупреждение совершения новых преступлений). Основная цель этого процесса – обеспечение охраны общественных отношений, установленных в государстве. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что в случае, когда речь идет о привлечении лица к уголовной ответственности, уже имеет место факт совершения преступления, а значит, факт причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям.

Уголовно-процессуальные отношения как отношения, обеспечивающие законность и обоснованность привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания, имеют крайне важное значение для реализации целей уголовной политики государства. Очевидно, только строгое соответствие установленным нормам позволяет с достаточно большой долей вероятности утверждать, что поставленные обществом цели будут достигнуты, более того, именно эти цели, а не случайный результат, получение которого не прогнозировалось при конструировании норм соответствующего закона.

Таким образом, значимость уголовно-процессуальных отношений бесспорна, однако наша задача – определить степень влияния уголовно-процессуального законодательства на эффективность деятельности по охране общественных отношений от посягательств.

Государство в самом широком смысле можно представить как систему общественных отношений [1, с. 84; 4]. В этой системе отношений постоянно идут процессы, она нестабильна, развивается по определенным векторам, их направление зависит от многих факторов, которые и сами по себе достаточно переменчивы. Важным регулятором общественных отношений является законодательство уголовного-правового цикла – Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Важно осознавать взаимовлияние существующих общественных отношений и закона. Направление развития всей системе общественных отношений придает воля их участников. Таким образом, именно волевое решение личности может обусловить как совершение им преступления, так и сохранение пределов поведения в рамках правового поля.

Интересно, что эволюция спектра общественных отношений безальтернативно влечет за собой и реформу законодательства. Свидетелями таких событий мы стали в недавнем прошлом. С середины 80-х годов прошлого века в СССР начались широкомасштабные, как тогда утверждалось, демократические, а в действительности капиталистические преобразования общественных отношений [7]. Фактически, как теперь мы понимаем, был запущен процесс ликвидации государственности СССР, слома существовавших в то время так называемых социалистических отношений [5; 6, с. 313–314]. Произошедшие изменения привели к полному краху во всех сферах жизни общества. Одним из первых и очевидных негативных последствий происходящих процессов стал рост преступности.

Государство, пытаясь реагировать на происходящие изменения, начинает реформирование уголовного и уголовно-процессуального закона, что, в свою очередь, также оказало существенное влияние на состояние преступности. К сожалению, изменения ни в 1991 г. УК РСФСР, ни в 1992 г. УПК РСФСР не способствовали снижению уровня преступности. Более того, количество регистрируемых преступлений выросло почти на миллион (по данным за 1990 и 1993 гг.).

Принятие УК РФ в 1996 г. и ратификация Европейской конвенции по правам человека, которая повлекла «конституционную реформу» судопроизводства, «стабилизировали» состояние преступности за счет существенной декриминализации деяний и усложнения судопроизводства по уголовным делам. Начавший действовать в 2002 г. УПК РФ и реформа УК РФ в 2003 г. способствовали увеличению количества регистрируемых преступлений, как и в начале девяностых, почти на миллион (в период с 2002 по 2006 гг.).

При этом доля наказаний в виде реального лишения свободы сохранялась из года в год одинаковой – примерно одна треть от общего числа осужденных к иным видам наказания. Динамика наказания в виде реального лишения свободы в абсолютных цифрах: 1988 г. – примерно 150 тыс.; 1993 г. – почти 300 тыс.; 2006 г. – 312 тыс. [10]. Тем не менее негативные тенденции в количественных показателях преступности сохранялись. Продолжался рост количества регистрируемых преступлений, а также количества нераскрытых преступлений.

Таким образом, с 1988 г. названные обстоятельства привели к интенсивному росту преступности, и к концу 2006 г. она увеличилась в 3,2 раза: с 1 220 361 преступлений до 3 855 373 [10]. Динамика коэффициента преступности: 1988 г. – 836 преступлений на 100 000 населения; 1993 г. – 1 884; 2006 г. – 2 701.

В начале 2000-х годов наметился переход от хаоса 90-х к порядку. Начинается процесс построения новой постсоветской российской государственности. К этому времени участники общественных отношений смогли трезво оценить сложившуюся ситуацию как бесповоротно изменившуюся, капиталистическую, человек встроился в существующую систему отношений, приобрел смыслы, которые, как оказалось, могут быть реализованы исключительно посредством экономического обогащения [11].

Параллельно шел процесс трансформации практики назначения уголовного наказания судами [12]. Лишение свободы стало замещаться другими видами наказаний, не связанными

с изоляцией от общества, и число приговоренных к реальному лишению свободы за 2006–2018 гг. сократилось почти на треть: с 312 473 до 206 140. И наоборот, существенно увеличилась доля наказаний в виде штрафа: в 2003 г. осуждено только 50 064 лица; в 2008 г. пик – 133 772; в последующие годы ситуация стабилизируется, и к 2013 г. число осужденных составило 116 218. Эта цифра актуальна и в настоящее время. Подобные тенденции также наблюдаются при назначении других наказаний «экономического» характера, не связанных с изоляцией от общества.

В настоящее время общий вектор назначения наказания продолжает сохраняться, но с одной особенностью: количество наказаний в виде штрафа несколько сократилось (на 15–25 тыс. решений), в то же время существенно увеличилось число решений о наказании в виде обязательных работ (в 2018 г. таких приговоров практически в два раза больше, чем в 2015 г.). По нашему мнению, это обусловлено изменением экономической ситуации в стране. Введение санкций западных стран в отношении РФ, падение мировых цен на стратегически важный для нашей страны ресурс обусловили падение уровня доходов населения, что, в свою очередь, отразилось и на структуре видов назначаемых уголовных наказаний.

Следствием сложившейся с 2007 г. практики назначения наказания (сокращение на треть приговоров к реальному лишению свободы, увеличение в разы назначаемых «экономических» наказаний) стал стабильный спад количества совершаемых преступлений. К концу 2017 г. состояние преступности, по сравнению с 2006 г., сократилось почти в 1,9 раза – до 2 058 476 [12].

На протяжении всего рассмотренного периода изменялось не только общество, но и законодательство, в частности закон, регулирующий уголовно-процессуальные отношения [8]. С 90-х годов до начала 2000-х шел активный процесс реформирования УПК РСФСР, который в 2001 г. был завершен принятием УПК РФ. Практически сразу, с момента принятия, действующий уголовно-процессуальный закон стали интенсивно править [9]. Этот процесс приобрел перманентный характер, он продолжается и по сей день. Влияние описанных процессов на эффективность уголовной ответственности можно оценить только при одном условии: следует понять внутренние процессы, происходящие в системе уголовно-процессуальных отношений, их основные тенденции.

Любую деятельность как систему можно совершенствовать по двум направлениям: оптимизация действий и эффективность управления этими действиями [4]. При этом наблюдается определенная закономерность: предел совершенствования действий достигается быстрее, а совершенствованию управления практически нет пределов. Таким образом, совершенствование предельно отлаженной системы в целом – это, прежде всего, совершенствование управления. Чем совершеннее управление, тем эффективнее деятельность.

Если все уголовно-процессуальные отношения или уголовное судопроизводство представить в виде системы, можно предположить, что функции управления свойственны положениям Общей части и наиболее характерны доказательственному праву, теории доказывания, а функции исполнения будут выполнять в основном институты Особенной части, например, следственные или судебные действия.

В таком контексте резонно сравнить две теории доказывания: прежнюю (основанную на нормах УПК РСФСР) и действующую (УПК РФ), а также соответствующие институты Особенной части уголовного процесса.

Сравнительный анализ позволяет утверждать, что теория доказывания, сложившаяся в советский период, в большей степени обеспечивала эффективность управления системой уголовно-процессуальных отношений. Данный вывод основывается на следующих аргументах.

Отечественная теория доказывания, сложившаяся на основе УПК РСФСР, была эффективней, поскольку позволяла устанавливать объективную истину (обстоятельства дела, точную квалификацию, виновность лица, справедливое наказание), что, несомненно, способствовало решению задач, поставленных уголовным законом. Теория доказывания в советский период была близка к общей теории познания, цель которой – истина. Кроме того, все участники

уголовно-процессуальных отношений при таких обстоятельствах были заинтересованы в тесном сотрудничестве, и их деятельность была направлена на достижение единой цели – установление объективной истины по делу [2, с. 75–78].

Современная теория доказывания, основанная на положениях УПК РФ, отвергает истину как цель доказывания, а значит, в меньшей степени соответствует общей теории познания. Обстоятельства дела, точная квалификация, виновность лица, справедливое наказание – все косвенным способом оказались в тени: обвинение и защита договариваются о возможных способах разрешения дела, а суд констатирует решение, реже – выбирает сам из предложенного. Логика доказывания приобретает произвольный характер в условиях отсутствия истинной цели. Смыслом уголовно-процессуальной деятельности становится личный интерес, характерный для конкретной стороны: обвинение, защита, иная заинтересованность.

Сутью, общей целью как желаемым результатом уголовно-процессуальных отношений, управляемых правилами доказывания по УПК РСФСР, была охрана общественных отношений от преступных посягательств при минимизации процессуального принуждения. Именно общественных отношений, а не потерпевшего или обвиняемого. Защищалась система отношений, а не частные интересы элементов системы [3, с. 22–23]. Теория доказывания и познавательные процессуальные действия были адекватны друг другу и разработаны сообразно цели уголовно-процессуальных отношений.

Сутью современных уголовно-процессуальных отношений является защита прав человека (подозреваемого, обвиняемого), что, по нашему мнению, нарушает баланс приоритетов. Фактически это привело к разрыву связи между управлением и исполнением в уголовном судопроизводстве. Дело в том, что обеспечение прав человека в процессе доказывания стало приводить к формированию недопустимых доказательств в силу чрезмерных требований к их сбору, так называемого «соблюдения гарантий прав человека». Как следствие, правила доказывания приобрели формальный характер. От доказывания как логического процесса правоприменители отказались: на это нет времени, необходимо обеспечить формальную сторону.

Уголовный процесс в обеспечении «прав человека» был объявлен состязательным, Общую часть УПК РФ изложили, руководствуясь состязательным началом. Особенная же часть УПК сохранила приоритет публичности. Особенную часть, по сути, оставили прежней, правда, в последнее время она дополняется новыми институтами на основе состязательности, но при неизменности публичного начала.

Другими словами, к публичному блоку исполнения был добавлен состязательный блок управления. В результате уголовный процесс стал громоздким и неэффективным. Состязательные начала предполагают устное доказывание в судебном заседании без проведения предварительного расследования, публичные – предварительное расследование в письменной форме, для эффективности которого органам расследования придается доминирующее положение, после чего следует судебное разбирательство в условиях состязательности, но опять же с доминирующим положением суда как субъекта доказывания. Действующее уголовно-процессуальное законодательство регламентирует и предварительное расследование, которое осуществляется в письменной форме, и устное судебное разбирательство, которые реализуются в условиях состязательности, то есть противоборства сторон.

Таким образом, стремление государства закрепить в качестве главенствующей цели уголовного судопроизводства соблюдение прав человека фактически разрушили эффективную теорию доказывания: не требуется установления истины, достаточны формальные доказательства и их формальная оценка, возможен особый порядок принятия судебного решения и т. п. Усложнен паразитными процессами блок исполнения: порядок производства следственных действий, применения мер принуждения, принятия и обжалования процессуальных решений, реализации процедур и пр. В итоге резко возрос объем функций, исполнение которых носит формальный, но обязательный характер. Соответственно, снизилось качество их исполнения, и, как следствие, уголовная ответственность утратила возможность оставаться высокоэффективным способом обеспечения безопасности охраняемых общественных отношений: не

по всем преступлениям стали возбуждаться уголовные дела, раскрываемость преступлений фактически снизилась, виновность в совершении преступления доказывается неубедительно, что привело к назначению несправедливых (мягких, неэффективных) наказаний.

Смена целевых установок привела к деформации всей системы уголовно-процессуальных отношений. Описанные негативные изменения во многом обусловлены несоответствием цели условиям ее функционирования, таким как социокультурная, экономическая, политическая среда. Кроме того, существенную роль играют условия жизнедеятельности участников системы и особенности их общественных отношений. Можно предположить, что поставленная цель так и не сможет объективно сформировать действенную систему уголовно-процессуальных отношений, которая, в свою очередь, положительно влияла бы на эффективность уголовной ответственности в целом, в связи с тем, что она сама неадекватна среде и особенностям субъектов отношений.

Перманентный процесс реформирования уголовно-процессуального законодательства фактически обусловлен стремлением изменить существующие условия функционирования системы, трансформируя не только внешние факторы обеспечения жизнедеятельности системы, но и, прежде всего, внутренние. Фактически слом ценностных установок уголовно-процессуальных отношений напрямую связан с таким же процессом, происходящим в современном российском обществе: отход от традиционных ценностных ориентиров с заменой их квазиценностями, характерными, как правило, для обществ, находящихся на стадии становления капиталистических отношений. Следует заметить, что наиболее развитые государства современного мира уже давно миновали данную стадию и приближаются, по мнению социологов, к следующей стадии – посткапитализма. Соответственно, копирование образцов регулирования общественных отношений без учета и понимания российской специфики обречено на провал.

В обычных условиях система уголовно-процессуальных отношений формируется под ту цель, которая определяется самим обществом, а в нашем случае и цель, и система навязаны внешними искусственными обстоятельствами – они инородны.

По всей видимости, 2006 г. стал именно тем рубежом, когда было осознано, что преступность как антисистема разрушит систему охраняемых государством общественных отношений, но радикальных изменений в уголовном судопроизводстве не произошло, а изменилась лишь практика назначения судами уголовного наказания, о чем сказано выше. Этому способствовало появление в современной капиталистической системе общественных отношений «нового человека», рожденного новой «суперценностью» – деньгами. Деньги стали смыслом жизни «нового человека» и одновременно самым эффективным инструментом управления им: деньги сегодня определяют вопросы буквально жизни и смерти, уважения и самоуважения.

Рассматривая сложившуюся ситуацию в историческом ключе, становится очевидным, что имеет место худший вариант развития российской системы общественных отношений. Как правило, в такие периоды в государстве обострялись социальные противоречия, которые выступали предпосылками кризисных явлений: государство и общество приходило в упадок. Это не лучший вариант общественных отношений и с позиций общей теории систем, где в качестве факторов, обуславливающих устойчивое развитие, называют сотрудничество, взаимодействие, самопожертвование [4], а не вражду и эгоизм.

Исследование проблемы показало, что, несмотря на навязывание некоторыми силами общества нетрадиционных для общества ценностей и попытки их повсеместного насаждения, участники уголовного процесса на практике фактически придерживаются ценностей традиционных и стремятся руководствоваться в своей деятельности задачами, сформулированными уголовным законодательством. Большинство процедурных паразитных процессов сведено на нет как минимум посредством формального исполнения. Практически все участники согласны с тем, что виновный в совершении преступления должен понести заслуженное наказание, и прилагают к этому совместные усилия.

Более того, на законодательном уровне в какой-то мере прослеживается процесс компенсации загроможденности предварительного расследования упрощением судебного разбирательства в первой инстанции, однако усложняется (организационно) процесс обжалования судебных решений.

В определенной степени упрощается само предварительное расследование. Тем не менее, по нашему мнению, данные поправки закона не носят принципиальный характер. Уголовно-процессуальное законодательство следует выстраивать на началах, характерных для системы традиционных ценностей, существующих в государстве и не оспариваемых никем в настоящее время. Кроме того, закон должен содержать оптимальные процедуры для достижения объективной истины по уголовному делу и соблюдения прав участников процесса.

К сожалению, поставленные проблемы не имеют простого решения. Под давлением извне так или иначе уже сформировалась новая среда, новое общество во всей совокупности своих отношений, которому требуется и новая, адекватная система уголовно-процессуальных отношений. Сама среда должна постепенно создать систему, которая обеспечит сохранение ценностных ориентиров общества.

В нашем случае следует утверждать, что целью уголовного судопроизводства должна быть реализация уголовной ответственности. Установление обстоятельств дела, точная квалификация преступления, вопрос определения виновности лица и назначения ему справедливого наказания – задачи, решение которых должно обеспечить управление, т. е. доказательственное право и, например, принципы уголовного судопроизводства. Управление должно быть выстроено так, чтобы быть целесообразным, обеспечивать уголовную ответственность. Средства собирания, проверки и оценки доказательств, а также средства обеспечения эффективности доказывания должны быть организованы сообразно положениям управления, целесообразны и обеспечивать установление истины по уголовному делу, уголовную ответственность и через реализацию уголовных норм охрану общественных отношений в целом. Например, права человека должны обеспечиваться при задержании и допросе подозреваемого, но не ценой формального выполнения этих действий, а исключительно для обеспечения возможности установить объективную истину по уголовному делу.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что только осознание неразрывной связи государства, общества, права и закона на основе общих традиционных ценностей, трансформация уголовно-процессуального и уголовно-правового законодательства смогут обеспечить создание системы, позволяющей сформировать среду, в которой функционирование всех ее элементов будет подчинено достижению единой цели – установлению объективной истины по делу, что, в свою очередь, в случае ее достижения позволит констатировать высокую эффективность уголовной ответственности как необходимой предпосылки эффективности всего законодательства уголовно-правового цикла.

Литература

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985. 263 с.
2. Азаров В. А. Является ли сегодня истина целью российского уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. (7–8 февраля 2003 г.). Ч. 2. Красноярск, 2003. С. 75–78.
3. Бойко А. И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 59 с.
4. Гайдес М. А. Общая теория систем: системы и системный анализ. URL: <http://www.хаос.ru> (дата обращения: 08.03.2019).
5. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М., 2007. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/> (дата обращения: 08.03.2019).

6. Кара-Мурза С. Г. Крах СССР. М., 2013. 448 с.
7. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение : курс лекций. Ч. 1. М., 2011. URL: <http://kara-murza.ru/> (дата обращения: 08.03.2019).
8. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. 868 с.
9. Николук В. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: полгода действия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. (7–8 февраля 2003 г.). Ч. 1. Красноярск, 2003. С. 9-15.
10. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы и 2008–2016 годы // Судебный департамент при ВС РФ : официал. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 08.03.2019).
11. Петухов В. В. Новые поля социальной напряженности // СОЦИС. 2004. № 3. URL: <http://www.isras.ru/>.
12. Статистика и аналитика // МВД РФ : официал. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 08.03.2019).